

Санкт-Петербургский театр
«Особняк», ввод актрисы в
«Счастливые дни» С. Беккета.
Постановка Владимира
Михельсона

Жизнь в ТЮЗе специфична. Это у Станиславского театр – храм, театр для детей – такой же, как для взрослых, только лучше. А четвертой ногой коня не хотите ли? Лиана Жвания – актриса старой гвардии ТЮЗа. Школа З. Корогодского и талант от бога помогли актрисе органично вписываться в постановочные опыты Л. Додина, А. Андреева, Г. Васильева, А. Праудина: она податлива, умела, реактивна, усердна. Тюзовскую демаркационную линию не нарушала. Но недавно круг разомкнулся, и актриса переступила порог маленького питерского театра «Особняк». Главный режиссер и постановщик спектакля Владимир Михельсон пригласил ее играть С. Беккета. «Счастливые дни». Недаром вспомнился Островский с его томным, густым бытом. Теперь настала высокая минута новой роли в чужом для актрисы, взрослом театре.

Феномен этой говорливой пьесы Беккета удивляет. Ста-

Широко закрытые глаза

тика, архаика абсурда, которм вроде все давно переболели, надышались, наигрались. С чего пошла вдруг по театрам? Здесь пьесу выбрала для своего бенефиса актриса Тамара Крехно. Абсурдная для данного текста идея окунуть пьесу и актеров в реальный кухонный быт вроде перечкивала авторский замысел и, тем не менее, оказалась спасительно-плодотворной. Спектакль получился. Но актриса ушла из профессии. Так роль нашла другой дом, и Лиана Жвания охотно впустила ее в себя, наделив новыми характерными черточками и привычками.

Она сидит по пояс завязшая... нет, не в песке – в кухне, сдавленная со всех сторон плитой, рукойойником и диваном, где лежит муж. Говорит про все, вроде бы не соответствующее авторской действительности. Быт борется с абсурдом, а побеждает любовь. Эфемерность слов Беккета, их оторванность от действия, их закупоренность в беспредельном столбняке, в космической разжиженности, по-

леблены. Слова, которые выговорены, подпираются действенным профаным анализом, механическим выполнением затверженных мускулатурой тела домашних упражнений. Прокручивается в мясорубке булка с луком, месится фарш, чистятся зубы, подпиливаются ногти, шипят на огромной сковородке котлеты – все «натуральное, без подделки» и под носом у зрителя, буквально в двадцати сантиметрах от его глаз. Опасно. Это качество неожиданно и сильно подкрепляется бытом – сладострастным до тошноты, безумным и абсурдным.

Умелость профи-актрисы облегчает участь зрителя-зника: с нею так же легко коротать часы у плиты и телевизора, как ее мужу-носорогу прожигать жизнь на диване, вперяясь глазами в телевизор. ТВ сожрал его мозг, его речь, но не чувства, которые прорвутся после ее ухода. Артист Дмитрий Поднозов с новой партнершей стал безжалостней к своему герою. Его герой едва не мочится на диван, ест с рук и более похож на домашнее

животное, без хозяйки оно вряд ли проживет и день. Когда мы не видим того, что должны видеть в любви, умирание души неизбежно.

Путь спектакля к своему концу – это сближение героев с нашим общим абсолютном. Не водкой, хотя и она здесь «Натуральная, без подделки». Нет, с абсолютном в виде нашей извечной, невысказанной русской тоски. Да, Беккет – русский писатель. Вот русская драма, вот наши «Мужчина и женщина», которые любил, забыли и вспомнили после смерти. С котлетой и водочкой мы глотаем плоть спектакля, плоть персонажей. Мы причащаемся временем вымерших идеалистов-шестидесятников. По ком сегодня все чаще звонит колокол.

*«Кто-то в кого-то был влюблен,
Но не узнаете, нет,
Но не узнаете, вы имен».*

Спектакль формально пережил ввод, но это другая философия жизни. Другое притяжение.

Марина ЗАБОЛТНЯЯ

Журан и Сивина -